

П. М. ДОЛУХАНОВ

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ НА ТЕРРИТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ПРИБАЛТИКИ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ И СМЕЖНЫХ НАУК

Становится все более очевидным, что достоверная реконструкция этнолингвистических процессов может быть осуществлена лишь на основании междисциплинарного подхода. Наиболее перспективным представляется сопоставление данных археологии, сравнительного языкознания и физической антропологии. При этом необходимо принимать во внимание, что механическое совмещение категориальных единиц каждой из названных дисциплин является методологически недопустимым. Требуется по возможности точная оценка познавательных возможностей этих дисциплин, а также реальное содержание основных категориальных единиц, которыми эти дисциплины пользуются.

Современная археология разработала категориальный аппарат, включающий несколько уровней: признак, тип (устойчивое сочетание признаков); комплекс (устойчивое сочетание типов в пределах локуса) и т.д. Наиболее высоким уровнем категориального археологического анализа является археологическая культура, понимаемая (*sensu D. Clarke, 1968*) как совокупность однородных и одновременно существующих артефактуальных комплексов.

Серьезные разногласия вызывает содержательная интерпретация археологических культур. Значительная часть археологов придерживается мнения относительно возможности прямого отождествления археологических культур с этническими или языковыми общностями. Существует и прямо противоположная точка зрения, согласно которой археологическая культура является чисто эмпирической категорией, не имеющей ни этнического, ни языкового содержания. Делались и делаются попытки отождествления археологических культур таким пространственным категориям как историко-культурные и культурно-хозяйственные области.

Исследование многочисленных комплексов верхнего палеолита и мезолита методами многомерного анализа (*Dolukhanov et al., 1980*) позволяет сделать заключение о том, что археологические культуры являются по преимуществу эмпирическими единицами, реальное содержание которых меняется с течени-

ем времени. Археологические культуры в одних случаях отражают пространственное распределение производственной деятельности, определяемое особенностями природного окружения. В других случаях в структуре археологических культур отчетливо проявляются стойкие культурные традиции, свойственные крупным социальным объединениям (этносам?). Для определения реального содержания археологических культур требуется достаточно сложная исследовательская процедура с привлечением данных ряда смежных наук.

В конкретных археологических исследованиях наибольшее значение приобретает изучение преемственности и смены культур, что определяется соотношением традиций и инноваций в последовательных археологических комплексах. Большое значение придается определению степени близости одновременных археологических культур, их связям, способам передачи и восприятия инноваций. Такого рода исследования представляют наибольшую ценность с точки зрения реконструкции этнических и языковых процессов.

Долгое время считалось, что основным способом передачи инноваций, равно как основной причиной смены культур были миграции крупных массивов древнего населения. В частности, распространение земледелия и скотоводства связывалось с крупномасштабными миграциями из переднеазиатского центра. Были построены даже математические модели такой миграции (Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973). Новые исследования дают основания считать, что такие миграции имели ограниченный характер. Несравнимо большее значение имело вовлечение в сельскохозяйственное производство местного мезолитического населения. При этом устанавливалась новая система связей между отдельными группами, распространялась новая земледельческая идеология и соответствующая символика, что воспринимается археологами как новая археологическая культура (точнее как ряд новых культур).

Со сходными проблемами сталкивается современное сравнительное языкознание. Как известно (Широков, 1985, с. 91), эта наука признает родственными языки, между которыми прослеживаются регулярные звуковые корреспонденции, допускающие реконструкцию значимых единиц общего праязыка. При этом массовые миграции рассматриваются как основной (а скорее — единственный) механизм распространения языков из некоторой прародины. В процессе распада и соответствующих лексических и звуковых изменений эти языки приобретают современную пестроту. Процесс расселения в большинстве случаев решается путем подыскания соответствующих археологических культур или реконструируемых археологами передвижений древнего населения. Ввиду отмеченной выше неопределенности категории „археологическая культура“ эта процедура представляется методологически неприемлемой. Этой процедуре противоречат и лингвистически установленные

факты взаимного наложения языков, прослеживаемые в виде субстрата и суперстрата. Известны многочисленные случаи смены языков, в особенности в периоды смены политических и хозяйственных структур. Так, на территории восточной Африки в течение XIX в. не менее 25 % этнических групп сменили свои языки в связи с распространением земледелия в среде охотников-собирателей (Olsen, 1985).

В связи с этим представляется правомерным предположение о том, что индоевропейский праязык был первоначально средством межплеменного общения (типа *lingua franca*), распространившимся в процессе „неолитической революции“ и последовавшей культурно-хозяйственной консолидации. Этот язык накладывался на более древние (субстратные) языки, модифицировался и постепенно вытеснял их.

Существенную помощь при решении палеоэтнических проблем могут оказать палеоантропологические данные. Изучение и сопоставление морфологических особенностей ископаемых людей позволяет антропологам выделять „надпопуляционные общности“, рассматриваемые в качестве „разного таксономического уровня“ (Алексеев, 1978, с. 7). Вследствие фрагментарности палеоантропологического материала и ряда других (чисто биологических) причин современная палеоантропология может достаточно уверенно различать характеристики „больших рас“: европеоидов, монголоидов, негроидов. Имеющиеся данные дают основание сомневаться в наличии связи между выделяемыми по ряду морфологических признаков антропологическими общностями, с одной стороны, и этническими общностями — с другой. Весьма показательным в этом отношении заключение А. Козинцева (1985), основанное на исследовании краниологических серий современного населения Прибалтики, об отсутствии соответствия групп, выделяемых по расодифференцирующим признакам, степени их языковой близости.

Существенное значение для поставленной проблемы имеет определение того, что следует понимать под „этнической общностью“. В специальном исследовании Ю. В. Бромлей (1983) отмечает, что наибольшее значение для этнического размежевания имеют „характерные черты культуры в широком смысле“ (с. 54). При этом исследователь подчеркивает, что такие компоненты культуры, как язык, религия, народное искусство, обычаи, нормы поведения и пр., не являются „непременными этнодифференцирующими признаками“ (с. 55). Ю. В. Бромлей специально отмечает, что при всей важности экономических и политических факторов важнейшими характеристиками этноса являются особенности культуры (в том числе языка), психики, самосознание и самоназвание (с. 57).

При согласии в целом с таким определением этноса как системы признаков, трудно признать правомочным сведение языка к „компоненту культуры“. Язык рассматривается большинством исследователей как система звукового общения и как знаковая коммуникативная система, т. е. как система передачи и хранения информации. Другими словами, язык можно рассматривать как инструмент функционирования культуры, которая может рассматриваться как „социальная память“ человечества.

В настоящем исследовании под этническими образованиями предлагается понимать динамические надпопуляционные объединения, первоначально возникающие на основе территориального разделения общественного труда и специфического приспособления к природным условиям, и характеризующиеся особенностями в сфере производства, культуры и коммуникации, находящими выражение в соответствующих знаковых системах.

* * *

В период приблизительно между 25 и 15 тыс. лет назад в Европе установились исключительно холодные и засушливые климатические условия. Северная часть континента была занята ледниками. К югу простиралась широкая полоса сухих степей с небольшими участками лесов. Еще южнее — на берегах Средиземного моря — установились исключительно засушливые (гипераридные) условия. Уровень моря был на 100—120 м ниже современного, между континентами возникли „мосты“. В пределах Европы и бассейна Средиземного моря выделяются две зоны концентрации верхнепалеолитического населения. Первая зона охватывает Центральную Европу, бассейны Днестра, Днепра, Среднего Дона, крайний северо-восток Европы. Здесь существовала сеть „открытых“ поселений, некоторые из которых (с жилищами из костей мамонта) были обитаемы круглый год. Охотились здесь на крупных стадных животных — мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, лошадь, зубра. Вторая область концентрации включает Франко-Кантабрию (юго-запад Франции и север Испании), Левант, западное Закавказье. Здесь представлены почти исключительно пещерные поселения; охотничья добыча включала животных — обитателей горно-лесных и горно-перигляциальных ландшафтов.

Представляется возможным отождествить эти две зоны (каждая из которых включала несколько „классических“ верхнепалеолитических культур с двумя неиндоевропейскими языковыми группами: первую (перигляциальную) — с уральской, вторую (средиземноморскую) — с гипотетической баскско-кавказской группой. Оставляя аргументацию относительно второй зоны для специального исследования, сосредоточим свое внимание на первой.

В ходе продолжительного позднеледникового потепления, между 13 и 11 тыс. лет назад (Сооре, 1986), происходит резкое отступление ледников, распад и частичное вымирание верхнепалеолитической фауны. Освободившаяся из-под льдов территория североевропейских равнин — от Голландии до Верхней Волги — заселяется небольшими подвижными группами охотников на северного оленя. Большую часть этого населения, по-видимому, составляли прямые потомки обитателей перигляциальной палеолитической зоны, т.е. уралоязычной. В литературе уже было высказано мнение (László, 1961), о том, что „древние уральцы“ были „создателями и носителями“ одной из финальнопалеолитических культур: свидерской. Это предположение ныне может быть обосновано совершенно иными, в частности археологическими аргументами.

Сходство определенного типа орудий („клювовидных наконечников“) выявляет связь одной из финальнопалеолитических культур (гамбургской) со стоянками на территории центральной Франции (Dolukhanov, 1979; Schmitter, 1982), т.е. со второй палеолитической зоной. Этот факт, по-видимому, является археологическим аргументом в пользу предположения о связи баскского языка с финно-угорскими и о двух источниках заселения североевропейских равнин в позднеледниковое время.

На протяжении раннего голоцена (IX—VIII тыс. до н.э.), в условиях послеледникового потепления климата, человек осваивает практически всю территорию Северной Европы. Население состояло из небольших, сравнительно подвижных групп (чем объясняется расплывчатый характер культур раннего мезолита). Наряду с этим, уже тогда, в наиболее благоприятном окружении возникают сравнительно крупные центры. В раннем мезолите складывается схема расселения, сохранявшаяся в Прибалтике на протяжении многих тысячелетий и основанная на эффективной эксплуатации ресурсов приморских, озерных и пойменно-речных ресурсов.

Сходство основных категорий материальной культуры, близость хозяйственных и социальных структур позволяют считать мезолитическое население Прибалтики прямым наследником — в культурном и языковом отношении — поселенцев эпохи финального палеолита.

Имеющиеся палеоантропологические данные (Алексеев, 1978, с. 181—182) выявляют то обстоятельство, что именно в верхнем палеолите сформировались основные черты европеоидного антропологического типа, наиболее отчетливо проявившиеся в последующие эпохи. Как отмечает В. П. Алексеев (1978, с. 181), в течение верхнего палеолита протекал в основных чертах процесс грацилизации.

Анализ серии мезолитических погребений из памятника Звейниекы (Латвия) позволил Р. Я. Денисовой (1975) констатировать наличие двух различных антропологических типов: долихокранного европеоидного и мезодолихокранного. С учетом перечисленных выше ограничений и оговорок, связанных с „этническим“ истолкованием антропологического материала, все-таки заманчиво видеть в этой антропологической „дихотомии“ косвенное подтверждение существования двух источников заселения североевропейских равнин.

На протяжении VI—IV тыс. до н.э. на территории Европы существовали условия климатического оптимума: благоприятное сочетание тепла и влаги, что обусловило распространение широколиственных лесов и общее увеличение биомассы. Наиболее существенным историческим процессом в это время было распространение производящего хозяйства (земледелия и скотоводства) в зоне светлых широколиственных лесов юго-восточной, центральной и западной Европы.

Распространение земледелия и скотоводства, названное В. Г. Чайлдом „неолитической революцией“, сопровождалось глубокой перестройкой хозяйства, социальной структуры и идеологии, а также соответствующей символики. Происходили изменения в морфологии древнего человека — в связи с изменением питания. Устанавливалась новая система связей между племенами и группами племен, что требовало наличия средства межплеменного общения. Разумно предположить, что индоевропейский праязык выполнял эти функции, распространяясь одновременно с производящим хозяйством.

Согласно теории Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова (1984), территория индоевропейской прародины локализуется в пределах восточной Анатолии, Южного Кавказа и северной Месопотамии — составной части „благодатного полумесяца“ Передней Азии, где отмечены наиболее ранние проявления земледелия и скотоводства, уходящие в VIII—IX тыс. до н.э. Вероятно, первоначально существовал язык какого-то небольшого племенного объединения ранних земледельцев. Впоследствии он стал выполнять функции *lingua franca*, распространяясь одновременно с внедрением новых хозяйственных структур. В ходе неолитической революции язык трансформировался, интерферировал с более древними (субстратными) языками, подвергался процессу дивергенции в результате обособления крупных этнических образований.

Распространение производства керамики в пределах лесной зоны Восточной Европы, судя по радиоуглеродным датам, произошло 6—6,5 тыс. лет назад, т.е. в течение второй половины V тыс. до н.э., а с учетом калибрации радиоуглеродных дат — в течение первой половины — середины VI тыс. до н.э. (Klein et al., 1982). Сходство хозяйства, социальной организации, расселения и антропологического типа дают основание считать, что этот процесс (прини-

маемый здесь за начало неолита) не сопровождался сменой населения. Произошло лишь некоторое увеличение численности населения и возросла степень оседлости, и то и другое — за счет прироста биомассы.

В раннем неолите лесной зоны выделяют несколько археологических культур. Нарвская (или нарвско-неманская) культура занимала обширную территорию от Приладожья до Калининградской области и от балтийского побережья до верховьев Западной Двины. Хозяйство имело чисто присваивающий характер; стоянки располагались в приморских лагунах, в озерных котловинах и в долинах рек.

Антропологические данные (Денисова, 1975) выявляют существование двух типов, отмеченных для мезолита: резко долихокранного и мезокранного. Каменная и костяная индустрия имеют мезолитический характер. Что касается керамики, то некоторые типы посуды имеют соответствия в комплексах культуры эртебёлле, распространившейся в это время на юго-западе Балтики и имевшей также присваивающий характер. Орнаментация, состоящая преимущественно из рядов гребенчатого штампа и прочерченных линий, имеет прямые аналогии в комплексах раннего неолита Среднего Днепра (Струмель — Гастятин), Буго-Днестровского раннего неолита, а также в монохромной керамике раннего неолита Балкан. Эти соответствия дают основания предположить, что все названные культуры были включены в ареал ранне неолитических культур Европы, в пределах которого был распространен индоевропейский язык. Если это так, то нарвская культура фиксирует наиболее раннее проникновение индоевропейского праязыка в восточную Прибалтику.

Помимо нарвской культуры, к раннему неолиту лесной зоны относят культуры сперрингс, верхневолжскую и волго-камскую. С известной долей вероятности носители всех этих культур могут быть отождествлены с носителями финно-угорского праязыка. В пользу такого предположения говорят локализация и генетическая связь данных культур с более поздними, уже более определенно связываемыми с финно-угорской языковой общностью. Следует отметить, что П. Н. Третьяков (1966, с. 25—27) уже давно отмечал связь всех трех названных культур (верхневолжская и волго-камская тогда еще не получили своих современных названий).

На протяжении развитого неолита (IV—III тыс. до н. э.) в пределах лесной зоны Восточной Европы распространяются культуры ямочно-гребенчатой керамики. Хозяйство этой культуры носило присваивающий характер (с локальными вариантами). Образование столь обширной культурной общности по всей вероятности, было связано с процессом культурно-хозяйственной консолидации, протекавшей на базе языковой общности. В литературе уже давно

было высказано мнение о том, что носителями культуры ямочно-гребенчатой керамики были предки угро-финнов (Mooga, 1958, с. 13).

В антропологической литературе (Mark, 1958) было отмечено, что популяции носителей культуры ямочно-гребенчатой керамики по некоторым морфологическим показателям приближаются к монголоидам. Р. Я. Денисова (1975, с. 73–83) на основании анализа больших серий приходит к заключению, что мезокранный тип, свойственный для носителей ямочно-гребенчатой керамики, близок к мезокранному типу раннего неолита. С другой стороны, исследователь отмечает, что морфологически близкие к носителям ямочно-гребенчатой керамики мезокранные черепа Оленеостровского могильника имеют более выраженный монголоидный характер. Некоторое усиление монголоидности может быть объяснено включением в ареал культурно-хозяйственной консолидации приполярных районов северо-востока Европы (уральского очага расообразования) и последовавшей метисизации.

В процессе продвижения волны финно-угроязычного населения в Прибалтику осуществлялись широкие контакты с местным, предположительно индоевропейским в языковом отношении населением. Археологическим выражением этих контактов являются гибридные комплексы, напр., керамика типа Пиестиня (Лозе, 1979). По-видимому, именно к этому времени относятся наиболее ранние индоевропейские — финно-угорские языковые контакты.

Наряду с этим, в среднем неолите восточной Прибалтики устанавливаются культуры, свободные от влияния ямочно-гребенчатой керамики: так наз. западный вариант средненеолитической нарвской культуры, включая Швянтойи ЗВ, 23, Сарнате (Girininkas, 1985), а также усвятская культура. Весьма знаменательным является то обстоятельство, что в ряде случаев керамика этих культур отражает влияние земледельческо-скотоводческой культуры воронковидных кубков, распространившейся в это время в центральной и северной Европе. Это доказывает сохранение связей неолитического населения Прибалтики с миром неолитических земледельцев Европы — носителей индоевропейских языков.

Следующий этап культурно-исторического развития северной Европы (конец III — начало II тыс. до н. э.) совпадает с распространением культуры шнуровой керамики. Как показывают палеогеографические данные, это время совпадает с ухудшением климатических условий — похолоданием и адиризацией, что вызвало понижение агроклиматического потенциала.

Археологические исследования (Machnik, 1970, 1979) выявляют неоднородный характер „шнуровых“ культур. В западном ареале выделяется сравнительно однородный „европейский“ пласт и большое разнообразие позднейших дериватов: культура одиночных погребений, силезско-тюрингская, за-

падно-малопольская, а также „гибридные“ культуры: злота и поморская (жучевская). На востоке Европы (помимо Прибалтики) выделяются культуры: фатьяновская, среднеднепровская, припятская, прикарпатская (Rulf, 1978, карта 1).

Крайне неоднородны проявления шнуровой керамики на территории восточной Прибалтики. Здесь практически нет чистых комплексов. Комплексы, происходящие из верхних (А) слоев многослойных памятников Швянтойи, относимые Р. К. Римантене (Rimantienė, 1980) к жучевской (поморской) культуре, интерпретируются автором как результат слияния культуры пришельцев (шнуровиков) и местных (нарвско-неманских) элементов. Сходным было формирование поздненеолитических комплексов в западных районах Литвы и на востоке Латвии (Лозе, 1979).

Исследование поздненеолитических комплексов в верховьях Западной Двины с использованием различных статистических критериев (Долуханов, Микляев, 1979; Долуханов, Фоняков, 1981) показало, что распространение шнуровой орнаментации здесь имело характер внедрения новой традиции, сравнительно быстро растворившейся в основной (автохтонной).

Крайне неоднородной была хозяйственная структура культур шнуровой керамики. Считается установленным, что преобладающим типом хозяйства было кочевое скотоводство. Вместе с тем на юге Скандинавии отмечают (Malmer, 1980, с. 280) существование земледелия (спельта, голозерный ячмень). На большей части восточной Прибалтики сохранялось присваивающее хозяйство с элементами скотоводства. До настоящего времени на востоке Прибалтики не получено убедительных данных относительно существования в то время каких-либо форм земледелия. Сообщение Сийрийянена (Siiriäinen, 1982, с. 20–24) опровергается как археологическими (Edgren, 1970, с. 55–56), так и естественно-научными данными (Donner, 1984, с. 13–18).

Анализ краниологического материала (Денисова, 1985) показал, с одной стороны, значительную вариабельность шнуровых популяций, с другой — их близость к типам, установленным для нарвской культуры.

Приведенные выше данные позволяют поставить под сомнение еще сравнительно недавно широко распространенные представления о массовой миграции носителей шнуровой керамики из бассейна средней Вислы на восток. Миграции, если они вообще имели место, носили весьма ограниченный характер. Гораздо большее значение имели процессы хозяйственной и культурной консолидации, происходившие в условиях ухудшения климатической обстановки и связанные с распространением общей идеологической символики.

Есть основания считать, что возникшая на основе интеграции различных этнических элементов культурная общность была носителем единого языка, принадлежавшего к семье индоевропейских языков. Представляется возможным присоединиться к точке зрения А. Я. Брюсова (1961, с. 33; 1965, с. 55), видевшего в культурах шнуровой керамики „еще не разделившихся предков германцев, балтов и славян“.

Наиболее крупные изменения в хозяйстве, социальной организации и схеме расселения первобытных племен лесной зоны Восточной Европы произошли в конце II и на протяжении I тыс. до н. э. В то время здесь распространились памятники раннего железного века. Археологи (Седов, 1970) выделяют характерные для этого периода несколько археологических культур: штрихованной керамики, верхнедвинскую, днепро-двинскую и др. В хозяйственном отношении эти культуры характеризуются значительным развитием скотоводства при существовании земледелия (безусловно, подсечно-огневого типа) и сохранении определенного значения присваивающих отраслей (Краснов, 1971; Петров, 1968). Характерно развитие ремесел, в частности металлургии. Существование укрепленных городищ позволяет предполагать наличие военно-элитарной прослойки населения.

Новые археологические данные все более убедительно свидетельствуют в пользу местного происхождения культуры штрихованной керамики. Так, по мнению А. В. Васка (1983, с. 18), на территории Латвии штрихованная керамика возникла на основе нарвской культурной традиции, при участии шнуровой керамики, в условиях сложного взаимодействия между ними. В западной Литве в нижних слоях городищ со штрихованной керамикой в ряде случаев обнаружены изделия из керамики, кости и камня, типологически близкие к инвентарю позднего неолита (Данилайте, 1967, с. 10; Girininkas, 1985, с. 133).

Вместе с тем есть основания считать, что именно на протяжении раннего железного века произошел распад германо-балто-славянского единства, соответствовавшего расширенному ареалу шнуровых культур.

Если рассмотреть экономическую ситуацию, сложившуюся на востоке Европы к середине I тыс. до н. э., то можно заметить, что продуктивное земледелие в то время существовало лишь в пределах лесостепной зоны, точнее, в ареале культурных групп, предположительно отождествляемых со скифами-земледельцами: киевской, восточно- и западноподольской, воркслинской (Ильинская и Тереножкин, 1983; Рыбаков, 1979, с. 135). Высокая продуктивность земледелия в этом ареале подтверждается как этноботаническими (Шрамко, Янушевич, 1985), так и историческими свидетельствами (Геродот, IV, с. 17). Представляется допустимым предположение о том, что именно в пределах этого земледельческого ареала произошло первоначальное выделение

праславянского языка. Что касается расположенных севернее милоградской, днепро-двинской, верхнедвинской культур и культуры штрихованной керамики, хозяйство которых имело преимущественно скотоводческий характер, то все они были, по-видимому, оставлены балтоязычным населением.

Наряду с этим к северу и востоку от рассмотренной территории располагается полоса культур, относимых к кругу текстильной керамики. Эти культуры, происхождение которых от местных поздненеолитических культур может быть в отдельных случаях точно документировано, достаточно определенно идентифицируются с финно-угорязычными племенами. Зона контакта между балто- и финно-угорязычными группами прослеживается на территории северо-восточной Латвии (Граудонис, 1967, с. 138–140).

Расположенная в пределах степной зоны культура кочевых скифов столь же определенно идентифицируется с северо-восточной группой иранских языков (Абаев, 1949, с. 240). По-видимому, именно скифы были источником иранских и арийских заимствований, устанавливаемых в финно-угорских и славянских языках.

На протяжении последующего тысячелетия на территории Восточной Европы произошли существенные хозяйственные, культурные и языковые перемены. Наиболее значительным процессом, особенно активно протекавшим в течение второй половины I тыс. н. э., было широкое распространение земледелия — сперва огневого позднее — пашенного — в пределах лесной зоны. Этот процесс, характеризовавшийся глубокими социальными и культурными модификациями местного населения, установлением новой системы политических, экономических и культурных связей, сопровождался широким распространением и закреплением славянского языка в изначально полиэтнической среде.

ETHNOLINGUISTIC PROCESSES IN THE EASTERN PERIBALTIC AREA AS BASED ON THE EVIDENCE OF ARCHAEOLOGY AND RELATED DISCIPLINES

Summary

The reconstruction of ethnolinguistic processes is possible based on correlating archaeological evidence with those of comparative linguistics and physical anthropology, taking into account the palaeoenvironmental data. One may distinguish two major concentration zones of the Upper Palaeolithic sites in Europe and in the Mediterranean basin; the first being tentatively attributed to the Uralian proto-languages, the second to the Basque-Caucasian group. The initial settlement of the eastern Peribaltic area occurred in the Late-Glacial period (13–10 t. y. b. p.) mostly from the first (Uralian) zone with a limited participation of elements stemming from the second zone. The proliferation of the Indo-European languages is seen as resulting from the spread of the farm-

ing economy in the course of the 8th—6th millennia B. C. The initial penetration of the I. E. languages into the Eastern Peribaltic area is archaeologically reflected in the Narvian culture (4th—3rd millennia B. C.). The Sperrings, Upper Volga and Volga—Kama cultures are seen as belonging to the Finno-Ugrian linguistic groups. The spread of the pit-and-comb decorated pottery within the forest zone in the 3rd millennium B. C. is considered as resulting from the cultural consolidation of Finno-Ugrian speaking communities. The Corded Ware cultures in the Middle and North-Eastern Europe (3rd—2nd millennia B. C.) are interpreted as belonging to undifferentiated German—Slavic—Baltic communities. In the course of the 1st millennium B. C. the predominantly Slavic-speaking communities established themselves in the forest-steppe zone ('agricultural Scyths') while Baltic-speaking communities dominated the Upper Dniepr and Danube basins, as well as the south-eastern Peribaltic areas.

СОКРАЩЕНИЯ

КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР.

МИА — Материалы и исследования по археологии СССР.

S MYA-FFT — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja — Finska Fornminnesförenings Tidskrift.

ЛИТЕРАТУРА

Абаев, 1949 — Абаев В. И. Скифский язык // Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.; Л., 1949.

Алексеев, 1978 — Алексеев В. П. Палеоантропология Земного шара и формирование человеческих рас. Палеолит. М.: Наука, 1978.

Бромлей, 1983 — Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983.

Брюсов, 1961 — Брюсов А. Я. Об экспансии „культур с боевыми топорами“ в конце III тысячелетия до н. э. // Сов. археология. 1961. № 3. С. 14—33.

Брюсов, 1965 — Брюсов А. Я. Восточная Европа в III тысячелетии до н. э. // Сов. археология, 1965. № 2. 47—56.

Васк, 1983 — Васк А. В. Керамика эпохи поздней бронзы и раннего железа Латвии как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

Гамкрелидзе, Иванов, 1984 — Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси: Изд-во ТГУ, 1984.

Геродот — Геродот. История / Пер. Ф. Г. Мищенко. М., 1888.

Граудонис, 1967 — Граудонис Я. Я. Латвия в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Рига: Зинатне, 1967.

Данилайте, 1967 — Данилайте Е. Штрихованная керамика в Литве (как данные по вопросу этногенеза балтов): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Вильнюс, 1967.

Денисова, 1975 — Денисова Р. Я. Антропология древних балтов. Рига: Зинатне, 1975.

Денисова, 1985 — Денисова Р. Я. Культура шнуровой керамики Восточной Прибалтики и проблема балтского этногенеза // Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. межресп. конф. Рига: Зинатне, 1985. С. 12—14.

Долуханов, Микляев, 1979 — Долуханов П. М., Микляев А. М. Культурно-исторические основы абсолютной хронологии неолита и ранней бронзы в бассейне Западной Двины // КСИА, 1979. Вып. 157. С. 25—30.

Долуханов, Фояков, 1981 — Долуханов П. М., Фояков Д. И. Многомерный статистический анализ керамических комплексов на юге Псковской области в связи с расселением балтов // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов: Тез. докл. Вильнюс, 1981. С. 20—21.

Ильинская, Тереножкин, 1983 — Ильинская В. А., Тереножкин А. И. Скифия VII—IV вв. до н. э. Киев: Наукова думка, 1983.

Козинцев, 1985 — Козинцев А. А. Новые расо дифференцирующие краниологические признаки и их вариации в Восточной Прибалтике // Проблемы этнической истории балтов: Тез. докл. межресп. конф. Рига: Зинатне, 1985. С. 14—16.

Краснов, 1971 — Краснов Ю. А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. II тысячелетие до н.э.—первая половина I тысячелетия н.э. М.: Наука, 1971.

Лозе, 1979 — Лозе И. А. Поздний неолит и ранняя бронза Лубанской равнины. Рига: Зинатне, 1979.

Петров, 1968 — Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев: Наукова думка, 1968.

Рыбаков, 1979 — Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. М.: Наука, 1979.

Седов, 1970 — Седов В. В. Славяне верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА М.: Наука, 1970. № 163.

Третьяков, 1966 — Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днестре и Волге. Л.: Наука, 1966.

Широков, 1985 — Широков О. С. Введение в языкознание. М.: Изд-во МГУ, 1985.

Шрамко, Янушевич, 1985 — Шрамко Б. А., Янушевич З. В. Культурные растения Скифии // Сов. археология, 1985. № 2. С. 47—64.

Ammerman, Cavalli-Sforza, 1973 — Ammerman A. J., Cavalli-Sforza L. L. A population model for the diffusion of early farming in Europe // The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory / Ed. by A. C. Renfrew. L.: Duckworth, 1973. P. 343—358.

Clarke, 1968 — Clarke D. Analytical Archaeology. L.: Methuen, 1968.

Cooper, 1977 — Cooper G. R. Fossil coleopteran assemblages as sensitive indicators of climatic changes during the Devensian (last) cold stage // Phil. Trans. Roy. Soc. London, 1968. B 280. 972. P. 313—336.

Dolukhanov, 1979 — Dolukhanov P. M. Evolution des systèmes éco-sociaux en Europe durant le Pleistocène récent et le début de l'Holocène // La fin des temps glaciaires en Europe. Paris / Ed. CNRS. 1979. P. 869—876.

Dolukhanov, Kozłowski, Kozłowski, 1980 — Dolukhanov P. M., Kozłowski J. K., Kozłowski S. K. Multivariate analysis of Upper Paleolithic and Mesolithic stone assemblages // Prace Archeologiczne. 1980. Z. 30. S. 1—130.

Donner, 1984 — Donner J. Some comments on the pollen analytical records of cereals and their dating in southern Finland // Fennoscandia Archaeologica. 1984. Vol. 1. P. 13—18.

Edgren, 1970 — Edgren T. Studier over snorkeramiskakulturens keramik i Finland // SMYA—FFT, 72. Helsinki.

Girininkas, 1985 — Girininkas A. Narvos kultūros raida // Lietuvos archeologija. 1985. Nr. 4. P. 119—134.

Klein, Lerman, Damon, Ralph, 1982 — Klein J., Lerman J., Damon P., Ralph E. Calibration of radiocarbon dates // Radiocarbon. 1982. Vol. 24, N 2. P. 103—150.

Laszlo, 1961 — László Gy. Óstrórtétetünk legkorábbi szakaszai. Budapest.

Machnik – Machnik J. The Corded ware cultures and cultures from the turn of the Neolithic and Bronze Age // *The Neolithic in Poland*/Ed. by T. Wyslanski. Warszawa: PAN.

Machnik, 1979 – Machnik J. Krag kultury keramiki sznurowej // *Prehistoria Ziemi Polskiej*. T. 2. Warszawa: PAN. S. 337–412.

Malmer, 1962 – Malmer M. P. Jungneolithische Studien // *Acta Arch. Ludensia*. Lund, 1962. Bd. 2.

Mark, 1958 – Mark K. Zur Entstehung der gegenwärtigen Rassentypen im Ostbaltikum // *SMYA–FFT*. 1958. Vol. 59. S. 1–59.

Moora, 1958 – Moora H. Zur ethnischen Geschichte der ostseefinnischen Stämme // *SMYA–FFT*. 1958. Vol. 59. S. 1–40.

Rimantienė, 1980 – Rimantienė R. Šventoji. Pamarių kultūros gyvenvietės. Vilnius, 1980.

Rulf, 1978 – Rulf J. Nová sovětská literatura o šnurové keramice // *Præhistoria VII. Varia Archaeologia I*. 1978. S. 143–158.

Schmider, 1982 – Schmider B. The Magdalenian culture of the Paris river-basin, its environment and its relations with the Nordic cultures of the Late Stone Age // *World Archaeology*. 1982. Vol. 12. P. 254–269.

Olsen, 1985 – Olsen B. Comments on Saamis, Finns and Scandinavians in history and prehistory // *Norwegian Arch. Review*. 1985. Vol. 18, N 1/2. P. 13–18.

Siiriäinen, 1982 – Siiriäinen A. Recent studies on the Stone Age economy in Finland // *Fennoscandia Antiqua*. 1982. Vol. 1. P. 17–26.